

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В ЕВРОПЕ ¹

А. Хетланд

Недавно я участвовал в семинаре по вопросам миграции в Институте политических исследований в Исламабаде. Несколько докладчиков проводили различия между мультикультурализмом и этнокультурным многообразием. Они, похоже, согласились с немецким лидером Ангелой Меркель и британским премьер-министром Дэвидом Кэмероном, которые оба указали, что мультикультурализм потерпел неудачу. Оказывается, интеграция между иностранными иммигрантами и местными жителями оказалась гораздо меньше, чем они рассчитывали, и иногда возникают конфликты между группами иммигрантов и коренным населением. Эти конфликты могут быть различного происхождения, но чаще всего демонстрации проводятся потому, что и те, и другие хотят лучшей работы и улучшения качества жизни. Они хотят получать большую долю общих ресурсов и большую вовлеченность в социальную жизнь. Многие из тех, кто «стоит на баррикадах», расстроены и разочарованы в их новой родине: они предлагают свое участие, хотят не только получать больше, но и отдавать больше. И это должно восприниматься позитивно.

Термин «мультикультурализм» используется в Европе для описания изменения культурного состава населения. Если в 1960-е годы население было сравнительно однородным — с незначительной долей иммигрантов, то сейчас в европейских странах проживают люди из 50 и даже 100 различных стран — в дополнение к своим старым группам меньшинств. В большинстве европейских столиц четверть или треть составляют жители зарубежных стран, и значительная доля из них приходится на иностранцев из развивающихся стран. Кроме того, весьма велика доля внутренних мигрантов, переехавших из сельских районов и малых городов в столицу и другие крупные города.

До пяти или шести процентов граждан «новой» Европы составляют мусульмане. Большинство из них — активные верующие, которые выступают за признание важности религии в жизни общества и, прежде всего, за признание ислама. Это тоже факт, что мусульмане способствуют возрождению различных религиозных групп в том случае, если дискуссиями хорошо управляют. Такие

дискуссии должны рассматривать вопросы о роли религии в обществе в целом, и особенно в обществах, где подавляющее большинство населения — немусульмане. Догмы и традиции должны обсуждаться, а толкования адаптироваться к интересам конкретных обществ. Светские страны Европы и во многих случаях церкви, способные успокаивать общественность, уже прошли через трудные дискуссии и включили другие религии в общество. Но все они при этом относят религиозную свободу к правам человека и защищают права любой религиозной группы.

Это происходит в то время, когда основная религия в Европе, христианство, статистически идет на спад, хотя религия может существовать во многих неочевидных формах: иногда в качестве культурной традиции, обычая или подповерхностной системы ценностных представлений. В Скандинавии, например, более трети четвертей прихожан посещают так называемую народную церковь, которая раньше была церковью государственной. Поэтому при поверхностном анализе можно было бы сделать вывод, что в Скандинавии нет религии.

В новейшей истории христианства православные и либеральные группы обсуждают возникающие проблемы и учатся друг у друга. В случае несогласия они уважительно относятся друг к другу. Мы должны также помнить, что большинство религиозных дебатов возникает внутри каждой религии, а не между религиями. Даже при этом в Европе и в других местах существует необходимость для эффективного развития межконфессионального диалога между приверженцами различных религий. Так как ислам является крупнейшей «новой религией» в Европе, важно, чтобы он был включен в общество таким образом, чтобы быть приемлемым для всех. Это ответственность как большинства, так и меньшинства.

Важно, что Европа способствует культурному и религиозному разнообразию, и что там создано общее понимание принципов для различных (религиозных, политических, идеологических) групп. Когда ораторы на семинаре, о котором я упомянул выше, говорили о разнообразии, они приводили в пример так называемые «раздельные карманы», которыми называют отдельные части районов, где люди живут в «параллельных мирах», мало контактируя друг с другом. Некоторые ораторы выражали мнение, что в будущем таких раздельных

¹ Источник: <http://www.nation.com.pk/columns/20-Feb-2014/multiculturalism-in-europe>

групп станет больше. Такое разделение не будет отвечать ничьим интересам. В тех случаях, когда такие районы-карманы существуют (а они существуют), мы обязаны интегрировать их в основную часть общества. Но это должно быть сделано с учетом многообразия культур и с применением различных подходов, позволяющих большей части общества и подгруппам найти взаимные выгоды от интеграции.

Я прожил в Восточной Африке более пятнадцати лет, а затем переехал в Вашингтон, где мне предложили международный пост. Работая там, я считал важным подчеркивать, что я не только норвежец, но и кениец. Теперь, прожив более десяти лет в Пакистане, я никогда не забываю упомянуть, что я пакистанец, в тех случаях, когда меня спрашивают, к какой нации я отношусь. Это — преимущество мультикультурного мира.

Не только иммигранты проживают в отдельных районах — «изолированных карманах» — общества. Даже в своих родных странах многие группы и классы живут совсем разной жизнью, не допуская в свои миры «чужаков». Домашняя прислуга со своими детьми в богатых домах живут в мире, мало похожем на мир их работодателей. Все они вроде бы живут за одними главными воротами усадьбы, но между ними — бездна. В бу-

дущем мы обязаны изменить структуры, которые сохраняют и поддерживают подобное неравенство — как в Пакистане, так и на Западе. Это наиболее важная задача на ближайшие годы.

У нас есть знания и навыки, чтобы совершить эти изменения, но нам не хватает политической воли; мы раз за разом тратим время на решение неверно поставленных вопросов. Оглядываясь в прошлое, я не совсем понимаю, почему мы не приложили усилия к более качественной и разнообразной интеграции иммигрантов в Европе. Мы заработали на их труде и навыках, но мы оказались не способны признать, что вновь прибывшие обогатили культуру и земли, куда они пришли, в том числе и в религиозной сфере.

До сих пор усилия были половинчаты. Мы постарались сделать иммигрантов похожими на людей, в чьи земли они переехали, но это не была реальная интеграция. Реальная интеграция — это уважение и объединение несхожих характеров, культур и мировоззрений. Мультикультурализм всё же не провалился в Европе, его просто не старались привить по-настоящему. Мы должны спешить сделать это, и мы должны поторопиться, чтобы создать больше возможностей и равенства для всех. И главное — мы должны хранить и уважать разнообразие.